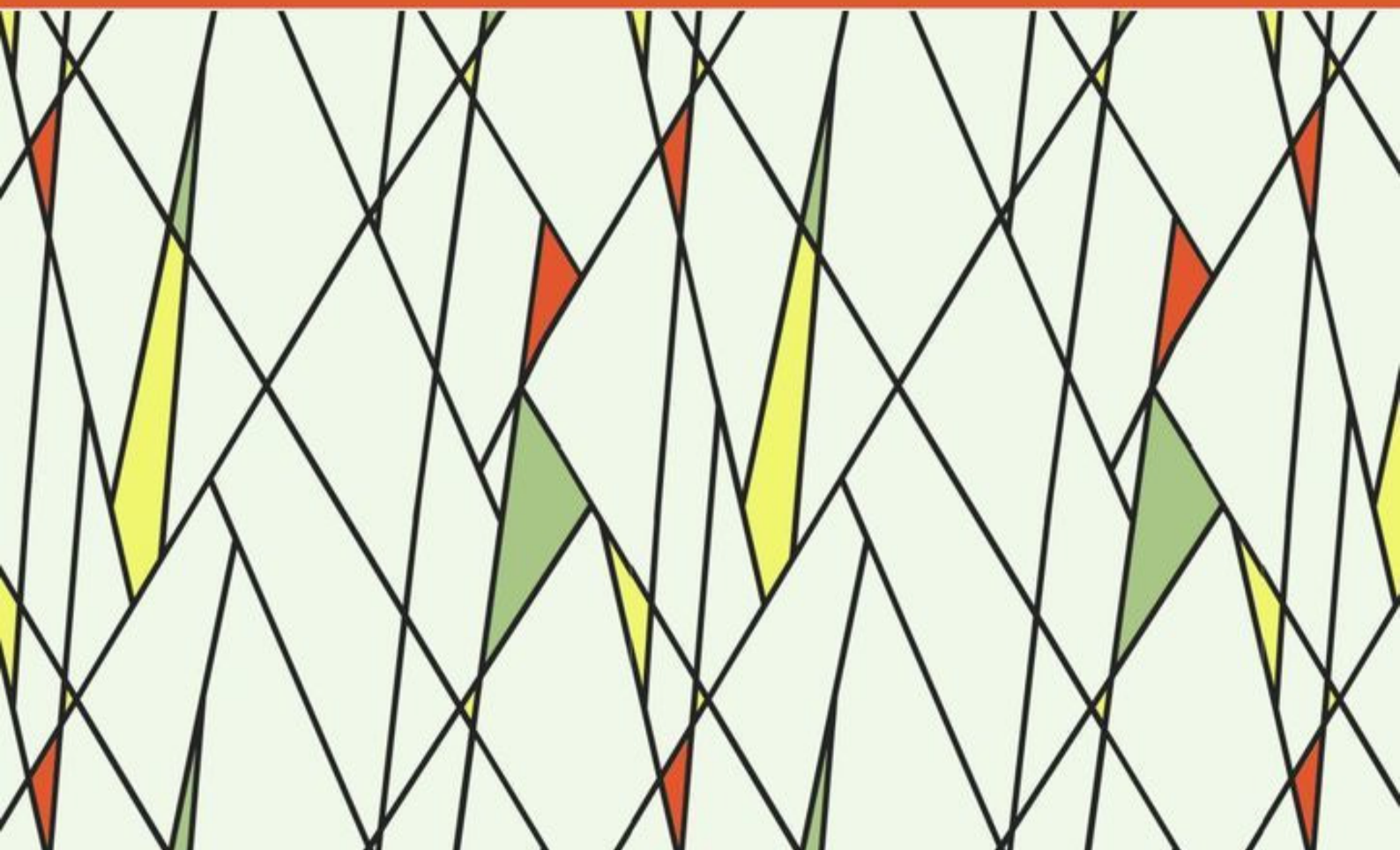

18+

Agni 16

Падение дома Орио

Том 1

Agni 16

Падение дома Орио. Том 1

«Издательские решения»

Agni 16

Падение дома Орио. Том 1 / Agni 16 — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981900-0

В этом мире четыре расы, и каждой отведено свое место, которое нельзя нарушать. Алвои и мисаны правят и пишут законы. Удел киранов — работать руками и прислуживать господам. Гибены торгуют и служат. Джи годятся только для самой грязной и тяжелой работы. Но любовь не подчиняется правилам и законам... или все же да? Кто окажется сильнее — высшая раса, на страже чьих интересов стоит закон, или самая низшая, которую защищает таинственный дух-хранитель?

ISBN 978-5-44-981900-0

© Agni 16
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1. ТАЙНЫ НЕВИИ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Падение дома Орио

Том 1

Agni 16

© Agni 16, 2020

ISBN 978-5-4498-1900-0 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-1901-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. ТАЙНЫ НЕВИИ

*Вход и выход
В те же самые ворота
Еще недавно с куклой ты возилась
Но есть иная, взрослая игра:
Игра с огнем
(Рубоко Шо)*

*

*Що в нас було? Любов і літо.
Любов і літо без тривоги.
Оце і все. А взагалі-то
Не так і мало, як на двох
(Ліна Костенко)*

Дождь застиг Ольви на обратном пути, на пустынной улочке нижнего поселка. Взглянув на серое предзвездное небо, она вздохнула и спряталась под ближайший навес, надеясь, что переждать придется недолго.

Спустя мгновение под навес скользнула еще одна тонкая девичья фигурка, тоже в темном плаще, тоже с капюшоном, скрывающим лицо – видимо, так же, как и Ольви, спешила домой на рассвете, пока все спят, пока никто не знает – и пусть не узнает! – что ночь она провела не дома. И не одна.

Оказавшись в укрытии, девица подняла голову, – это была гибенка с характерными для ее расы черными узкими глазами, узким лицом и белой кожей, – беззастенчиво окинула Ольви взглядом, сначала удивленно изогнула бровь, задержавшись на выбившейся из-под капюшона светлой кудрявой пряди, а потом понимающе усмехнулась.

Ольви позавидовала ей: гибенка на вид была ее ровесницей или ненамного младше, а это значило, что пансион она уже закончила. У гибенов был самый короткий срок обучения, только до пятнадцати лет, да и порядки там были абсолютно не строгие: после четырнадцати их даже выпускали гулять в город и не особо следили за временем возвращения. Это уж не говоря о совместном обучении... никаких запретов на общение с противоположным полом! Совсем не то в пансионе алвоев, где училась Ольви – она не могла навещать даже собственного брата, и гулять можно было только во внутреннем дворике и в саду с глухим забором. Тяжко быть дочерью привилегированной расы! Вот эта гибенка – свободна, как ветер, Ольви тоже хотела бы так. А самое главное, тогда она смогла бы видаться с Азуром, ничего не опасаясь и не прячась. Азур – так называла его только Ольви, так-то все знали его под именем Зури, – не был даже гибеном. Смуглый и узколицый, с узкими черными глазами, он принадлежал к самой низшей расе, и если бы их поймали, ему это грозило бы смертью, а ей и ее семье – пожизненным позором.

Дождь прекратился – надолго или нет? – и пора было поспешить в пансион. Ольви первой выскользнула из-под навеса, провожаемая насмешливым взглядом гибенки. За ней невидимой тенью следовал Азур. Он не мог провожать ее открыто – слишком опасно! Но допустить, чтобы бесшабашная алвойка пробиралась одна улочками нижнего поселка...

И только когда она села к знакомому извозчику в обычном месте на окраине города, он облегченно вздохнул, спрятал рыбацкий нож и зашагал обратно – пора было выходить в море.

Когда извозчик поравнялся с высокой каменной оградой и сбавил ход, Ольви сбросила плащ и, оставив его извозчику, выпрыгнула из повозки. На ней были удобные штаны и рубашка, не стеснявшие движений. Привычно нащупала веревку в зарослях плюща и, как всегда, ловко перебралась через стену. На привязанном конце красовались всего одна ленточка – её, а зна-

чит, сегодня она была последней вернувшейся из самовольной отлучки; ее очередь перепрыгивать веревку и оставлять записку в тайнике. Обвязавшись веревкой, она проворно влезла на высокий платан (недаром все детство до пансиона прошло в играх с детьми слуг!) и пробалансировав на длинной ветке, добралась до своего окна. Ну вот и все. Сбросив одежду и затолкав под шкаф веревку, Ольви забралась в мягкую прохладную постель – какое наслаждение, совсем не то, что убогий соломенный матрац из мешковины в лодочном сарае, где они с Азуром занимались любовью. Она укуталась в легкое одеяло с головой и замерла со счастливой улыбкой, вспоминая его поцелуи и ласки...

Пламя свечи отбрасывало танцующие тени на стены кабинета в фамильном особняке Орио. Мрачный взгляд, сжатые челюсти, сцепленные пальцы – таким в полумраке выглядел Орест Орио, отец Ольви и глава дома. Этот тяжелый угрюмый взгляд мог бы испугать любого слугу в доме – но не Асту, его тайного советника, принёсшего сегодня дурную весть. Асту встретил взгляд господина спокойно. Гибены вообще отличались выдержкой и хладнокровием, а также необычайно хитрым и изворотливым умом. Неудивительно, что именно гибены, хоть и принадлежали всего лишь к третьей расе, очень часто становились тайными советниками у высших. Их услугами пользовались – но тщательно это скрывали. Даже на совет их вызывали ночью.

– Значит, она спуталась с джи, – с глухой яростью проговорил Орест.

– Да, господин, – бесстрастно подтвердил Асту, не отводя взгляда.

– Я надеюсь, их никто не видел вместе.

– Юная госпожа ведет себя крайне неосторожно. Однако... Во-первых, их встречи начались недавно. Во-вторых, нищий джи не может позволить себе водить ее по кабакам и тавернам, и они встречаются под покровом ночи...

– И эти встречи необходимо пресечь как можно скорее.

– Да, господин.

– Он должен исчезнуть. Быстро и бесследно.

– Это не составит труда. Он рыбак. В море может случиться всякое. Тем более, безродного джи никто не будет искать.

– А что мой сын?

– Юный господин очень прилежный и благоразумный юноша. Он ни разу не покидал пределов пансиона.

Орест Орио вздохнул и посмотрел куда-то в угол.

– Неужели это голос крови заговорил в ней, – пробормотал он. – Ты свободен, Асту.

Гибен поклонился и вышел, сохраняя почтительное выражение на узком лице. Только в коридоре он позволил себе пренебрежительно скривиться. Голос крови... Вседозволенность и безнаказанность избалованной девчонки! Все они такие, представители высшей расы...

Ольви металась по изолятору в ярости, как пойманный зверь, задыхаясь от возмущения. Наградили боги братцем! Демон надоумил его проведать, не иначе... Она-то думала, что Ориен обрадуется старшей сестренке! В конце концов, здесь у них нет никого роднее друг друга. А он... вместо того, чтобы восторженно запрыгать на кровати, зажимая ладонями рот, как он делал еще два года назад, он холодно и надменно отчитал ее, как девчонку, и выгнал обратно в окно! Ольви так опешила, что у нее тут же пропало всякое желание бродить по ночному городу. Она вернулась к себе и легла, не раздеваясь. Что за внезапная полоса невезения? Еще и Азур куда-то пропал. Демоны, да если бы он был на их обычном месте, если бы встретил ее, как всегда, разве она полезла бы к идиоту-братцу? Азур повел бы ее на берег слушать шепчущее ночное море и вдыхать его запах, и ежиться от холодных соленых брызг, и обнимал бы ее, а она положила бы голову ему на плечо и грелась в его объятиях. А потом они бы искали

на небе Пастуха и Лошадиную Голову, дразнились, смеялись и щекотали друг друга, целовались и занимались любовью прямо там, на песке, где их застигло желание. Ольви прерывисто вздохнула и обхватила себя руками...

А утром случилась катастрофа, перед которой померкли все переживания предыдущих дней. К ней нагрянули классная дама и инспектор курса, перевернули комнату, обыскали шкаф, нашли одежду для ночных вылазок по городу, долго допытывались, кто ей помогал, кто еще покидает пределы корпуса по ночам... Хорошо хоть вчера она вернулась рано, а то нашли бы еще и веревку.

Хотя что уж тут хорошего... Ближайшие два года ей предстоит провести в изоляторе, где даже окно запирается на замок. А в классы и в столовую ходить в сопровождении темнокожего охранника-кирана, старого служаки, верного и неподкупного, как сторожевой пес. Прощай, свобода, прощайте, ночные прогулки, прощай, любовь! Азур не будет ждать ее два года, не зная, что у нее случилось. Конечно, он решит, что просто надоел взбалмошной алвойке, и скоро выкинет ее из головы. Вот за что?? Обида сжала сердце и подступила к горлу горьким комком.

Братец-предатель! Ольви сбросила подушку с кровати на пол и от души ударила по ней ногой так, что по комнате разлетелись перья.

А ведь когда-то именно ради брата Ольви впервые нарушила правила.

Ей тогда было двенадцать, а Ориену десять, и его только привезли в пансион. В десять лет начиналось основное обучение для детей всех рас, кроме джи. Им предстояло провести несколько лет вдали от семьи в пансионатах одного из восьми городов-академий Астурии. Невия как раз была таким городом. Все дети высшей расы проходили Тест – почти всегда всего лишь необходимая формальность для алвоев, и часто переломный момент в судьбе мисанов, младшей ветви высшей расы. После Теста ворота в город и большой мир закрывались для алвоев на долгие девять лет. Только на последнем, десятом, курсе разрешались прогулки – в сопровождении наставников, разумеется. Все это время для юных алвоев пансион был школой, домом, единственным миром – и тюрьмой, по горячему убеждению двенадцатилетней Ольви. Хоть мальчики и девочки учились отдельно, до двенадцати они могли встречаться в столовой, библиотеке и на прогулках в саду. С двенадцати же начинались шесть лет изолированного обучения – отдельный корпус для юных дам, все строго по расписанию, прогулки только в саду и только под надзором. Ольви, привыкшая к вольной жизни дома, и так успела возненавидеть пансионные порядки, а теперь вообще взвыла. Приехал её брат! Её младший брат, которого она не видела два бесконечных года – и из-за каких-то глупых правил она не может с ним встретиться?! Когда он так невыносимо близко!

С этим решительно невозможно было смириться.

И вот однажды тёплой осенней ночью она выбралась из окна, перелезла на платан и огляделась. Луна освещала высокую каменную стену справа – она отделяла территорию пансионата от города. А впереди еще днем на прогулке Ольви заметила очень симпатичный орешник, росший у самого края не такой уж высокой каменной ограды – именно за ней был корпус младших. Перебраться туда не составило большого труда, и вскоре Ольви с бешено колотящимся в горле сердцем смотрела на окна младшего корпуса. Было тепло, и все окна были распахнуты. Где мальчишеские спальни, она помнила хорошо – что там было помнить, всего-то второй этаж. Нехитрый план был готов: влезть на дерево и, балансируя на ветках, заглянуть в ближайшие три окна. Если там не будет Ориена – слезть и попробовать заново с соседним деревом. Младшекурсники спали по трое – значит, пяти попыток должно хватить.

Хватило двух. Ольви едва сдержала торжествующий крик, когда в бледном свете луны показалось – или угадалось? – родное лицо. Кровать Ориена стояла у самого окна. Ей решительно везло сегодня! Мягко спрыгнув в комнату, она зарылась пальцами в светлые кудри

брата, тем самым жестом, каким будила его дома, в детстве, когда тайно пробиралась к нему ночью. Это сработало и сейчас: его глаза открылись, и Ориен тут же вскочил на кровати, а Ольви схватила его и прижала к себе.

А потом они сидели на толстой ветке за окном и, болтая ногами, взахлеб рассказывали друг другу, как жили эти два долгих года.

– ...Папа купил новую лошадь, и Кэрто её объезжал... Ух, злая! Она его раз пять чуть не сбросила...

– ...Кто, говоришь, у вас по математике? Мин Милан? Ну, не повезло вам... Он строгий, ужас!

– ...А Гиэла, ну знаешь, дочка Асту-советника, когда ты уезжала, она ещё совсем маленькая была, так вот она как-то такое сказала! Что гибены от нас отличаются только глазами и волосами, а кираны только кожей, а так мы все одинаковые! Надо же было додуматься! Асту ее потом наказал...

– ...А каждый третий день на кухне дежурит Сильва – невысокая такая киранка, толстая и все время улыбается, и у неё красная лента в волосах – так вот, она очень добрая, у неё что угодно можно выпросить, даже в запрещенное время: и булочки с изюмом, и пончики, и крендель...

Они бы болтали и болтали, но луна поблекла, возбуждение от встречи схлынуло, и Ориен все чаще тер кулаками глаза, да и Ольви приходилось подавлять зевки. Они обнялись еще раз на прощание, и Ольви поклялась приходить как можно чаще, каждую ночь! Ну может, не совсем каждую, но каждую вторую – точно! Спустившись с дерева, она задрала голову – светлая макушка брата торчала над подоконником. Они помахали друг другу, и Ольви побежала обратно.

Пока не похолодало, она и правда приходила почти каждую ночь. Ориен всегда ждал ее, не ложился спать, часто припасал для неё булочки и пышки от Сильвы. Но однажды с моря задули холодные ветры, начались дожди, а потом и заморозки, листва облетела, и уже невозможно было спрятаться от всего мира в густой кроне. А вскоре обледенела и ограда. Зимой Ольви сидела, нахохлившись, у окна, смотрела на снег во дворе и считала дни до весны.

Весной все повторилось, и целое лето – и следующее лето тоже – Ольви, донельзя гордая собой, тайно лазала к брату. В конце концов она перестала даже прятаться. Определенно, жизнь в пансионе в конце концов оказалась не такой унылой, как Ольви думала вначале! По крайней мере, вторые два года.

Два года! Она совершенно упустила из виду, что в двенадцать лет изолированное обучение начиналось уже у Ориена.

– Нас с осени переводят в новый корпус, – сообщил он ей, когда они, по обыкновению, сидели на «своей» ветке.

– Я тебя обязательно там найду! – горячо пообещала Ольви.

И вот она стояла перед юношеским корпусом, упрямая и решительная. Здесь было не два этажа, а шесть; но у каждого уже была отдельная комната, и можно было оставаться прямо там, а не торчать на ветке, рискуя быть увиденными. Ориен обещал повесить белый платок на окно, и сейчас Ольви пробиралась поближе, чтобы рассмотреть – эта ночь, как назло, выдалась тёмной.

Сосредоточенная на своем, она не заметила ни тени, мелькнувшей позади, ни лёгкого хруста веток, и только когда чья-то рука крепко обхватила ее, прижав к туловищу локти, а вторая зажала рот, Ольви поняла, что попалась.

– А не рановато ли вы начали нарушать правила, юная дама? – прошелестел на ухо вкрадчивый голос.

Ольви затрепыхалась, но ее только сжали крепче... и потащили прочь, прямо к стене, разделявшей дворы юношеского и девичьего корпусов. От стены отделилась фигура, высокая и тонкая, в темном плаще с капюшоном.

– Змей, кого ты притащил? – прошептала она, сдерживая смех, и сняла капюшон – лицо закрыто платком, но волосы! золотистые и кудрявые, как у всех алвоев! Старшекурсница?! – Что это за птенец?

– Белка, ты не поверишь! Она хотела влезть в комнату к мальчику! – таким же веселым шепотом ответил поймавший её.

Белка тихо присвистнула.

– А не рановато ли вы начали, юная дама? – тут же поинтересовалась она, и Змей стал давиться от смеха.

Ольви обиженно засопела, и он разжал её рот.

– Это мой брат! – возмущенно прошептала Ольви. – И я навещаю его уже два года! Простого раньше он был в младшем корпусе, а теперь вот...

Белка и Змей переглянулись.

– А она мне определённо нравится! – решительно заявила Белка. – Возьмём её с собой!

– Возьмём! – кивнул Змей. – Если она, такая пигалица, за два года ни разу не попалась... и не проболталась...

Белка дала Ольви платок – завязать волосы и лицо, Змей подвел их к спрятанной в листьях веревке, привязал к ней ленту, и один за другим они перелезли через стену. Неподдалёку ждал извозчик, и лошадь тихо фыркала, переступая копытами.

– Из нашего двора тоже можно выбраться в город, – шепнула Белка, – я тебе потом покажу. А сейчас – молчок!

Извозчик за всю дорогу ни разу не повернулся к ним и не произнёс ни слова. Ольви во все глаза смотрела вокруг. Ночной город обрушился на неё чёрными блестящими камнями мостовой, яркими звёздами на чёрном небе, топотом копыт, огнями фонарей и ночных таверн, целой лавиной запахов – знакомых, полузабытых и совсем незнакомых... Вся та первая ночь слилась для неё в один сплошной головокружительный калейдоскоп: вот Змей и Белка тащат её, совершенно ошалевшую, из повозки, вот они все вместе ныряют в мигающую красноватым светом дверь какого-то подвальчика, вот у неё в руке чашка обжигающе горячего терпкого чая («это чтобы ты в себя пришла!»), вот смеющиеся лица вокруг, среди них есть смуглые, а есть светлокотые, кто в масках, кто в платках, а вот Змей закуривает сигарету, кладет на стол ладонь, и, наклонившись и глядя на Ольви в упор в своей чёрной маске с золотой змейкой на виске, уже серьезно говорит:

– Теперь ты одна из нас. И тебе нужно выучить вот что...

До встречи с Белкой и Змеем окружающий мир виделся Ольви простым, понятным и до скукоты предсказуемым. А он оказался шкатулкой с двойным дном, как на представлении у фокусника, куда отец водил ее с братом в детстве. Да и она сама непостижимо раздвоилась: Ольви Орио, юная наследница дома, прилежная ученица днем – и сорвиголова ночью, Синица в черной маске. Она теперь другими глазами смотрела на окружавших ее пансионеров – любая могла оказаться одной из ночных нарушительниц.

Второе дно оказалось и у самого пансиона: в его стенах, в нишах, за картинами, под лестницей, в библиотеке внезапно обнаружилось множество тайников. Туда прятали записки о том, где сегодня искать веревку. Стена у библиотеки была отведена под творчество воспитанниц – здесь любая могла написать что угодно о чем угодно, процитировать классика, составить головоломку. В одном из этих текстов, написанном особым почерком, и было зашифровано местонахождение тайника. Это всегда был числовой код, а шифровали какие-то изощренные затейницы – то по цитате из какой-то замшелой древности нужно было угадать автора, а даты его

жизни как раз и были кодом; то это была логическая головоломка, и Ольви не всегда удавалось разгадать ее за один вечер.

– Зачем так сложно? – жаловалась она Белке, а Змей отвечал на это:

– Затем, что это тренирует ум и учит находить связи, а нарушитель должен быть умным, чтобы не попадаться.

– Еще сильным и ловким, – добавила Белка, – слабому нечего делать в городе, да он и не сможет выбраться по веревке.

До того, как стать Синицей, Ольви горячо ненавидела любые правила и запреты – но у ночной жизни оказались свои, и они не вызвали у нее никакого отторжения. Их было немного, они были понятны и полезны, а если что-то было непонятным или не совсем удобным прямо сейчас – так в конечном итоге они приводили к благу, и для этого стоило немного потерпеть. А кто этого не понимает... тот еще мал и несмышлен!

– Первое – всегда прячь лицо и волосы, – говорил Змей в ту памятную первую ночь. – Второе – никаких имен. Только прозвища. Так ты никого не выдашь, если тебя поймают. И никто не выдаст тебя. Третье – если поймают, молчать. Четвертое – тебе понадобятся деньги...

– Можно брать у гибенов в долг под расписку, вернешь, когда закончишь пансион – но твои родители очень неприятно удивятся, – вставила Белка. – Можно продать свои драгоценности или вещи. У тебя же были свои платья, когда ты приехала? Наверняка ты из них давно выросла. А за них швей-киранки дадут хорошие деньги...

– За книги тоже. Один не в меру предприимчивый мисан вынес полбиблиотеки, – Змей брезгливо поморщился, Белка передернула плечами, – на том его и поймали. Так вот, пятое правило – не совершай ничего противозаконного.

Много чего еще рассказали Змей и Белка в первую ночь, а когда они вернулись в пансион, Змей показал, где спальни новеньких, и Ольви быстро отыскала окно брата по их условному платку. Влезла к нему, и ее сердце сжалось – он спал головой на подоконнике, ждал ее, бедный... Времени оставалось мало, она быстро разбудила его, помогла перелечь на кровать, сунула горсть городских леденцов и шепнула, что на днях придет снова и все-все расскажет!

Ольви очень хотела, чтобы брат присоединился к ней в ночных прогулках, но Змей был против («он слишком мал!»), да и Ориен оказался трусишкой и только мотал головой, когда она звала его с собой. Так что она заглядывала к нему на минутку, приносила лакомства из города и быстрым шепотом рассказывала об очередной диковинке. Вот только случалось это все реже и реже. Ночная жизнь захватила ее. Иногда она бродила с Белкой и Змеем, иногда одна, иногда присоединялась к группкам таких же студентов в черных масках и платках. Она попробовала вино и кое-что покрепче, выучила несколько киранских танцев – гораздо энергичнее и веселее церемонных алвойских, узнала парочку крепких ругательств, выкурила первую сигарету под надзором Змея. С ним же она попробовала и дурман-траву, которая сделала мир сразу намного ярче и острее, и она поняла, что двойное дно – самая что ни на есть реальная истина, и у каждого двойного дна есть ещё одно, и ещё, и так до бесконечности, от которой у неё разболелась голова. Ольви попыталась описать мир-шкатулку Белке и Змею, на что те покачали головами и, дождавшись, пока у неё пройдёт, объяснили, как действует дурман.

– И это самая слабая трава, – вещал Змей, дымя уже обычной сигаретой. – Запомни: это опасно, и часто баловаться этим нельзя. Есть более сильные зелья, некоторые пьют или жуют, некоторые вдыхают... В какой-то момент без них становится невозможно жить – спроси у Лиса-Пройдохи, он таких видел.

– Он видел и не такое, учитывая, кто его родители, – добавила Белка.

Лис-Пройдоха был мисаном, родившимся в семье киранки и гибена. Это было одной из вечных загадок промежуточных рас: никто не мог предсказать, какой расы родится у них ребёнок. Только у двух алвоев, самой высшей расы, всегда рождался алвой, а у двух джи, самой низшей, – джи. У двух киранов мог родиться киран, а мог джи; у двух гибенов – или гибен, или

джи. От брака гибена и кирана мог родиться кто угодно, кроме алвоя. А брак двух мисанов был самым непредсказуемым – среди потомков мог оказаться и алвой, и джи, и мисан, и киран, и гибен. Внешне мисаны выглядели точно так же, как алвои, и тоже считались высшей расой, но в них – как и в киранах, и в гибенах – текла коварная кровь древних джи, и поэтому алвои никогда не вступали с ними в брак, и должности они занимали ниже, и в круги правления дорога им была закрыта. Но, поскольку у двух мисанов мог родиться алвой, все дети-мисаны в десять лет проходили Тест чистоты крови. Все алвои тоже – вдруг какая-то алвойка изменила мужу с мисаном, или, пусть боги уберегут от такого позора, с мужчиной другой расы? Но такое случалось крайне редко.

Тест сам по себе был очень неприятной процедурой – нужно было выпить микстуру мутно-коричневого цвета, к тому же мерзкую на вкус, и от неё становилось очень плохо. Кого-то тошнило, кто-то мучился животом, кто-то впадал в беспамятство и стонал от боли, Ольви вообще плохо помнила тот день. Поэтому Тест никогда не делали детям младше десяти – те могли его просто не пережить.

Наутро у всех брали кровь, уносили в лабораторию, ставили над ней какие-то таинственные опыты, а через день объявляли результат. Ольви, как и все дети алвоев, конечно же, прошла его. А из семидесяти пяти детей-мисанов Тест прошли девятнадцать – и были официально признаны алвоями, и присоединились к Ольви и другим на их первом курсе.

Лис-Пройдоха Тест, конечно же, не прошёл. У низших рас никогда не рождались алвои.

Лис вообще был уникальной личностью: он скрывал волосы, лицо и имя, как положено, но при этом всем было известно, кто его родители, известно, что Невия – его родной город, и он знал, как свои пять пальцев, все ее закоулки и секреты. Он знал, у кого можно занять деньги, где купить дурман-травы, кому лучше продать драгоценности и вещи, а к кому не стоит соваться, когда и где проводит рейды полиция – в общем, он был абсолютно незаменимым человеком. А ещё он знал запретные места – места, где играют в кости и в фишки, и места, где можно провести ночь с публичной девицей. Он был как сжатая пружина, от него веяло опасностью, взгляд его обжигал, и все это неудержимо манило Ольви.

Когда они оказывались рядом на ночных пирушках, – дети высшей расы, алвои и мисаны вперемешку – Ольви так и подмывало созорничать. Отвернувшись, она оживленно болтала с другими, а под столом снимала туфлю и легонько прикасалась носком к его ступне и вела по ней вверх к голени, следя краем глаза, как вспыхивают его щеки. Потом резко поворачивалась к нему и задавала какой-нибудь вопрос по классической поэзии или живописи, глядя на него большими честными глазами и не прекращая тайно щекотать. Он бледнел и терял дар речи, а она нарочито разочарованно отворачивалась от него и убирала ногу. Когда он, запинаясь, приглашал её на танец, она отказывала ему с надменным видом и шла танцевать со Змеем или кем-то другим, а потом, танцуя, открыто бросала на него острые взгляды и улыбалась.

Её маневры не прошли незамеченными.

– Синичка, осторожней! – грозила ей пальцем Белка. – Он нашей расы, но он не алвой. У вас с ним ничего не может быть.

Так в этом-то и была вся соль!

Все было совсем как в романах о запретной любви, которыми зачитывались все воспитанницы пансиона и от которых сладко замирало сердце: она – алвойка, потомок древнего рода, надменная и неприступная. Он – мисан, служащий в доме её отца, доктор или домашний учитель, скромный и неприметный. Взгляды украдкой. Случайные прикосновения. Медленно, но непреклонно разгорающаяся страсть. Все нарастающее напряжение, взрыв, лавина эмоций, сметающая все преграды, пылкие признания, слезы счастья – и мучительный выбор: любовь или честь? Страдания и трагический финал – он погиб или изгнан, она называет сына в его честь и хранит воспоминания о нем в самой глубине своего сердца, до последней минуты...

Как и все, Ольви тонула в этих историях, переживала вместе с героями и рыдала над ними – а теперь в ее собственной жизни вот-вот произойдет то же самое! Вот Лис, герой ее романа, мисан, неровня, робкий и одинокий, несомненно, тайно в нее влюбленный и тайно страдающий из-за пропасти между ними. И вот она, наследница алвойского рода, гордая и неприступная... а иногда коварная и дразнящая! – в любимых Ольви историях попадались и соблазнитель с целым арсеналом очень полезных приемов. И вот Невия, волшебный город на берегу моря – тоже совсем как в любимых романах. Такие совпадения не бывают просто так! И отказаться от такого, даже не попробовав и не ощутив, как это бывает? Ну уж нет!

Она ловила каждый его взгляд и жест, и предвкушение заманчиво щекотало нервы: что же дальше? Какой ход сделает он? Неужели так и будет уныло вздыхать и терпеть ее шалости и отказы? Эта мысль оставляла горький привкус разочарования.

То, чего она хотела, случилось на прощальной вечеринке Змея и Белки. Им исполнялось по восемнадцать, и срок их изолированного обучения истекал. На предпоследнем курсе девушки и юноши алвоев обучались вместе, а на последнем получали разрешение выходить в город. Ольви не понимала, почему бы и не продолжить ночные вылазки – зачем ещё год сидеть в четырёх стенах, а потом гулять только под надзором? Но Белка думала иначе.

– Ах, Синичка, я уже изучила этот ночной город вдоль и поперёк, не хуже Лиса. А в пансионе на девятом курсе начинается интересное!

– Школьные праздники и балы! – закатил глаза Змей, насмешливо качая головой.

– Да! И наконец-то я оденусь в нормальное платье, а не в форму или эту сбрую для ночных прогулок. Они мне, признаться, уже надоели. Пора блистать при свете солнца!

– А вы узнаете друг друга без масок?

Они рассмеялись одновременно.

– Этот пронзительный голосочек я узнаю из тысячи, – фыркнул Змей, а Белка шутя толкнула его в плечо.

Сначала все чествовали Белку и Змея, вспоминали забавные случаи, совместные проделки, а потом вихрь вечеринки увлёк участников, и в какой-то момент, вернувшись за стол после танца, Ольви поняла, что этой парочки уже и след простыл – и когда только успели улизнуть? Лис тоже куда-то исчез, и Ольви заскучала и задумалась, а не пора ли исчезнуть и ей, как тут к ней подошёл один из официантов – киран-подросток в чёрной маске. Ночные нарушители из числа киранов часто зарабатывали на свои собственные посиделки в тавернах, нанимаясь официантами и уборщиками. Хозяева охотно брали их на работу: платить им можно было меньше, а посетители-студенты могли не опасаться, что их выдадут.

– Это вам, госпожа, – сказал киран, с поклоном поставил перед ней бокал с золотисто-медовым напитком и положил розу с восхитительно чёрными лепестками.

Ольви сделала глоток – горло обожгло, и на миг перехватило дыхание. Она ещё не пробовала такого, и ей ужасно понравилось. Она перевернула салфетку под розой – на обратной стороне была записка. «Жду тебя в Железном переулке, у дома с чёрным ягненком. Ты-знаешь-кто». У Ольви подпрыгнуло и заколотилось сердце. Она осушила бокал залпом, и по венам разлился жидкий огонь. Она выбежала в ночь почти вприпрыжку – начиналось самое интересное!

Лис ждал ее. Когда Ольви приблизилась к дому с черным ягненком, он вышел из тени в свет газового фонаря. Улыбнувшись правым уголком рта, стремительно шагнул навстречу, уверенно сжал плечи Ольви – она не ожидала от него такой смелости и замерла в удивлении, а он шепнул в ухо, почти касаясь ее щеки: «Хочешь узнать мою тайну?» Конечно, да! Он снова улыбнулся, когда она кивнула, и со словами «Тогда делай, как я скажу» повернул ее спиной к себе, набросил на глаза платок и завязал крепкий узел на затылке. А потом, придерживая за плечи, куда-то повел.

Они прошли немного, свернули, потом свернули еще; Лис направлял ее, легонько сжимая плечи. Потом взял за руку и велел держаться другой рукой за стену: начинался спуск. Ступени были широкие, Лис шел впереди, и вначале Ольви было совсем не страшно. В ней все замерло в предвкушении... а потом ступени закончились, и мир изменился. Откуда-то потянуло сыростью. Ольви зябко поежилась. Что-то было не так, и только через несколько мгновений она поняла, что именно: исчезли все звуки, как будто они с Лисом пересекли опасную невидимую грань, из-за которой не было возврата. Исчез город со всеми его домами и жителями, и только горячая ладонь Лиса удерживала ее на краю, не давая сорваться в панику при мысли, что она осталась совсем одна в онемевшем и ослепшем мире. Когда Лис снял с нее повязку, ощущение не изменилось. Вокруг царилась крошечная тьма, в сыром воздухе трудно было дышать, а когда она спросила, где они, тишина проглотила ее слова.

– В катакомбах, – так же глухо ответил Лис.

В легендарных катакомбах Невии! У Ольви перехватило дыхание. Она никогда и не чаяла сюда попасть! Тут все дышало опасностью, и страх еще больше распалил любопытство.

Лис подвел ее к стене и отпустил руку. На жуткое мгновение Ольви осталась одна в темноте – но тут чиркнула и зашипела спичка, огонь выхватил из тьмы пальцы и лицо Лиса, потом часть каменной стены, нишу в ней, круглый стеклянный бок керосиновой лампы. Лис зажег ее, взял Ольви за руку и, распугивая тьму, шагнул в узкий коридор.

– Раньше здесь были каменоломни, – рассказывал Лис, ведя её за собой, – джи спускались под землю и добывали жёлтый камень – из него была построена Невия. Говорят, что некоторые из них погибли здесь, и их души до сих пор бродят по коридорам, не находя покоя... Больше всего они мечтают обрести новое тело, и не каждый вошедший сюда сможет вернуться обратно.

– А я смогу? – спросила Ольви, дрожа то ли от холода, то ли от страха.

– Не каждый, кто спускается в подземелья впервые, знает секрет... Нужно обратиться к духу-гурвицу, их хозяину, с просьбой о защите. Сейчас мы идём к нему – в сердце лабиринта, в Расписную комнату...

Расписная комната заставила Ольви замереть от удивления – краски были яркими даже в слабом свете лампы, и она долго разглядывала изображения диковинных существ на стенах, потолке и полу – это были полуживотные-полулюди. Темнокожие люди с головами птиц, медведей, волков и диких кошек – глаза у всех были раскосые – вверх; а внизу джи с рыбьими хвостами вместо ног. Она никогда не видела такого раньше и не представляла, что человеческая фантазия способна создать подобное.

– Один из них и есть дух-гурвиц, – глухо проговорил Лис за ее спиной. – Но кто именно – не известно никому. А сейчас мы должны принести ему подношение...

С этими словами он подошел к маленькой нише в боковой стене и положил туда монетку. Потом приблизился к Ольви, вытащил откуда-то ножницы и отрезал прядь ее волос – золотистых волос алвойки. Ольви вложила их в нишу, и в этот миг лампа погасла.

Ольви вскрикнула, подпрыгнула – и тут ее схватили, и она забилась в чьих-то сильных руках, и поняла, что это Лис, только когда он шепнул ей:

– Не бойся... Это значит, что дух-гурвиц принял подношение.

Тогда она вцепилась в Лиса, вжалась в него как можно крепче, пытаясь укрыться в его теплых объятиях от холодной тьмы подземелья. Он сжал ее в ответ и выдохнул в самое ухо:

– С тех пор как я увидел тебя, с самой первой ночи, я потерял покой...

А потом его дыхание обожгло щеку, и ее бросило в дрожь, и прошило огненной иглой, когда горячие губы коснулись ее губ. Лис не был нежен – он был настойчив, почти груб, его пальцы впивались в плечи, а поцелуи были такими, как будто он пытался выпить ее дыхание – и это было одновременно пугающе и приятно.

Все было совсем как в романах... и даже лучше.

С той ночи Синица и Лис появлялись на всех посиделках вместе, как раньше Змей и Белка. Они были неразлучны, открыто держались за руки, танцевали, даже целовались на виду у всех, чего Змей с Белкой никогда себе не позволяли, – и Ольви, бывало, ловила на себе хмурые взгляды. «Завидуют,» – коротко объяснил ей Лис, ставший как будто выше ростом и отвечавший на шепот за спиной самодовольной улыбкой.

Он, как всегда, был нарасхват у студентов всех рас, и Ольви часто прислушивалась к их разговорам из любопытства. Так она узнала много интересного. Например, то, что только у алвоев обучение длилось долгие десять лет. Мисаны учились девять, кираны семь, а гибены только пять. Строгая изоляция у киранов продолжалась всего три года, у гибенов ее не было вовсе, хоть их и не пускали в город до четырнадцати. Ольви бешено завидовала им. Была бы она гибенкой – и не пришлось бы ей тогда прокрадываться к брату...

– И тогда тебя не нашел бы Змей, и ты не встретила бы меня, – добавлял Лис.

Ольви немного скучала по Белке и Змею – раньше она не задумываясь могла обратиться к ним за советом, и теперь без них было как-то неуютно. С другой стороны, они уже научили её всему, что знали сами, и без их насмешливых замечаний Ольви ощущала себя гораздо свободнее. Они никогда бы не одобрили те места, в которых Синица теперь частенько бывала с Лисом.

В некоторых из них было шумно и весело, лились рекой темное вино и золотистый ликер. Здесь обитали юные поэты и художники, мисаны с алвоями – и никто не судил никого по знатности рода и чистоте происхождения, только по степени мастерства. Ольви разглядывала диковинные полотна, непохожие ни на что из того, что они изучали в пансионе – в одних угадывались силуэты из Расписной комнаты, в других были смешаны все стили с древности до современности, а чтобы вникнуть в третьи, требовалось выкурить по крайней мере две сигареты с дурман-травой.

Здесь стоял вечный запах красок и растворителя, раздавались тосты и песни, а каждый третий вечер разыгрывали пьесу, которую сочинял один из завсегдагаев, высокий молчаливый юноша без улыбки, с волосами светлыми настолько, что они казались белыми. Ольви пьеса не нравилась – там герои вынуждены были всю жизнь страдать за злодеяния своего прадеда: он когда-то обидел ведьму, и та прокляла весь его род. Только потеряв то, что каждому было дороже всего – любовь, ребенка, талант, состояние – они могли освободиться от проклятия и начать жизнь заново. На вкус Ольви, это было ужасно печально и несправедливо, и она всегда дергала Лиса за рукав, чтобы встать и уйти.

Да и в те ночи, когда не было пьесы, не стоило долго засиживаться – молодые люди, очень милые и остроумные в начале вечера, пьянели, соображали все хуже, повторяли одно и то же заплетающимся языком, кто-то засыпал прямо за столом, громко сопя.

А еще были мрачные кабаки на окраинах, в подвалах или полуподвалах, с закопченными стенами и тяжелыми дубовыми дверями. Попасть внутрь было не так-то просто: нужно было знать чье-то имя или тайное слово, или чтобы угрюмый киран-охранник знал вас в лицо. Лис-Пройдоха был известен и тут, и Ольви это уже не удивляло. Вслед за ним она ныряла в полумрак, пропахший крепким табачным дымом, садилась рядом с ним за стол у дальней стены, где играли в фишки и кости.

Она снимала капюшон и встряхивала головой, чтобы волосы рассыпались по плечам золотистой волной. Это неизменно притягивало взгляды – к ним садились за стол и вступали в игру. Игроки – темнокожие кираны с соломенной шевелюрой и грубыми лицами – заговаривали с ней, и Ольви, подавляя дрожь и стараясь не обращать внимания на предательский холодок в груди, улыбалась и принимала предложенные в шутку самокрутки. От крепкого табака кружилась голова, боль сжимала виски, но она докуривала самокрутку до конца под восхищенный свист и одобрительные хлопки по столу.

Здесь пили огненную воду и крепко выражались, здесь играли на деньги – об этом способе Змей в свое время умолчал. Лис тоже иногда играл, но, выиграв немного, быстро выходил

из игры. Ольви поддерживала его радостными вскриками и хлопала в ладоши: такова была ее роль. Другие игроки не были в обиде – Лис почти всегда приводил с собой студентов-новичков, и многие потом просили привести их снова и снова.

Много где еще Ольви побывала с Лисом, но раз в семь-восемь дней он отправлял ее обратно в пансион очень рано, а сам исчезал неизвестно куда. На все расспросы отвечал отрывисто и резко: «Это место не для девиц высшей расы». Ольви вспыхивала от негодования: можно подумать, игровые кабаки были таким местом! Нет, терпеть это дальше было просто невозможно. Она твердо решила выяснить, где он пропадает.

– За мной, только осторожно, – шепнул юный киран, прозванный Мышонок за юркость и маленький рост. – Здесь всякие могут бродить... может быть опасно.

Все оказалось легче, чем ожидала Ольви. Мышонок согласился провести ее за Лисом почти сразу, стоило отдать ему три ленты, вышитые золотые нитями. Как она раньше не додумалась?

Они давно миновали освещенные улицы и нырнули в лабиринт извилистых переулков – здесь фонарей почти не было, а из тех, которые были, половина была разбита. Замирали и прижимались к стене или забору, если впереди мелькала чья-то тень.

А потом Ольви услышала приглушенную музыку – такую играли в тавернах попроще. После поворота они увидели, откуда она доносилась: двухэтажный дом с закрытыми ставнями, из-под которых пробивался свет.

Охранник-киран, увидев их, насупился и скрестил руки на груди. Мышонок шепнул ему что-то, тот хмыкнул, но взял от него записку и передал кому-то внутрь в маленькое окошко. Ждать пришлось недолго, вскоре окошко отворилось, охранник выслушал ответ, что-то недовольно проворчал и отпер дверь. Мышонок схватил Ольви за руку и потянул внутрь.

Внутри было шумно от музыки и разговоров – иногда их прорезали женские визги и смех; пахло так, как обычно пахнет в тавернах, но к этому запаху подмешивался тонкий запах дурмана. Сначала Ольви решила, что это обычный кабак для низших рас. Здесь играли музыканты – что-то шумное и залихватское; официанты – гибены и кираны – с подносами сновали между столиками. Но за каждым столиком вместе с мужчинами была женщина или девушка, одна или несколько: в основном молодые и стройные гибенки, но киранки тоже попадались. Почти все были пьяны, а одеты так бесстыдно, что Ольви бросило в жар. В пристанище поэтов и художников девушки тоже одевались экстравагантно, но там это было изящно, иронично, изысканно, а здесь... Ольви невольно обхватила себя за плечи: хорошо, что она в плаще с капюшоном и маске...

Она уже поняла, где очутилась. Кто-то когда-то упомянул публичный дом при Белке и Змее. Белка тогда зашипела, как сердитая кошка, а Змей промолчал и сделался очень задумчивым. Неужели он тоже здесь бывал? Ольви окинула глазами зал – да, здесь были белокурые и светлокожие представители высшей расы.

К ней уже повернулось несколько голов, и она неловко застыла посреди зала, не зная, что делать.

– Синичка, – вдруг шепнули ей. Она рывком обернулась на знакомый голос – перед ней стоял Лис, бледный в своей черной маске, с непередаваемым выражением лица. Ольви тут же вцепилась ему в плечи, спрятала голову у него на груди и замерла, ожидая бури. Сейчас он вытащит ее отсюда, как шкодливого котенка, а потом отчитает, а потом...

Лис взял ее за подбородок, заставил взглянуть на него, улыбнулся правым уголком рта – так, как улыбался только он – а потом наклонился и поцеловал прямо в губы.

Окружающие тут же потеряли к ним интерес, а Ольви задала вопрос, который сам прыгнул на язык:

– А что ты здесь делаешь?

– Мой отец – хозяин публичного дома, – просто ответил Лис. – А я... привожу клиентов. Вон сидят наши знакомые – я был с ними, когда ты пришла. Пойдем, поприветствуешь их.

Ошеломленная новостью, Ольви послушно пошла за ним. И все-таки не удержалась:

– А ты не спросишь, что здесь делаю я?

– Я знаю, – очень спокойно ответил Лис.

Юноши высшей расы за столиком, все знакомые Ольви по ночным прогулкам, встретили их хмурыми взглядами и молча наблюдали, как Лис усаживает ее рядом с собой.

– Синичка, – обратился он к ней, – ты когда-нибудь пробовала огненный эль?

Один из соседей резко встал и смерил Ольви презрительным взглядом.

– Пожалуй, я пойду, – отрывисто сказал он. – Мне достаточно впечатлений на сегодня. Доброй ночи, господа.

И стремительно зашагал к выходу.

– А мы, пожалуй, останемся, – лениво протянул еще один, переглянувшись с другими. – Только я пересяду к бару – я сегодня еще не видел малышку Мирту.

Один за одним все переместились за соседние столики или к барной стойке, и к ним тут же подсели веселые девицы.

У Ольви, огорошенной таким приемом, пылали щеки, в горле пересохло, и, когда официант поставил перед ними с Лисом две кружки с янтарной жидкостью, она схватила свою, жадно отхлебнула и тут же пожалела об этом. Ощущение было – как будто вдохнула огонь и не смогла выдохнуть. Она долго откашливалась и вытирала выступившие слезы. Лис дал ей пожевать какой-то горький сухарик и объяснил, как нужно пить. Второй глоток прошел намного удачнее. Соседи все так же хмуро наблюдали за ними, и Ольви захлестнуло возмущение. Вот же снобы! Как они смеют ее осуждать? Сами же сидят в компании пьяных девиц, к тому же низшей расы!

Ей остро захотелось выкинуть что-то уж совсем невообразимое. Для начала она сбросила капюшон – золотистые волосы рассыпались по плечам, притянула Лиса к себе за шею и поцеловала, а потом забралась к нему на колени. А что, здесь все так делали, почему ей нельзя? Ольви с вызовом посмотрела в вытянувшиеся лица наблюдателей. Лис, улыбаясь, тут же крепко обнял ее за талию и ответил долгим поцелуем.

– Синичка, – шепнул он, – здесь есть место, где можно остаться только вдвоем.

– Идем! – решительно ответила Ольви. – Мне надоели эти кислые лица вокруг.

Узкий коридор, полутемная комнатка, тихий скрежет ключа в запираемом замке. Лис стремительно развернулся к ней, и Ольви очутилась в кольце сильных рук – не вырваться, не сбежать. Горячая ладонь легла на затылок, а губы снова жадно прильнули к её губам; она вздрагивала под его поцелуями, когда они спустились на шею, и новый, незнакомый, пугающий жар волнами растекался под кожей.

Лис снял с нее маску и замер на мгновение, рассматривая ее лицо, а потом взял его в ладони и медленно провел пальцами по носу, бровям и скулам. Она тоже стянула маску с него – и невольно отшатнулась: без маски его лицо показалось совсем чужим. Острая мысль пронзила ее: что я делаю? Что я здесь делаю? В публичном доме, с этим незнакомцем? Лис тут же поймал ее, обнял, не давая вывернуться, зашептал: «Не бойся, Синичка» и еще что-то, одновременно целуя, голова закружилась, и она поддалась ему, чувствуя, как ее несет неудержимым потоком. Мир опрокинулся, под спиной оказался мягкий матрас, Лис прижал ее к кровати своим телом; она чувствовала его жар сквозь одежду – последнюю тонкую преграду между ними. Горячие пальцы проникли под рубашку, под нижнюю сорочку, и она всхлинула, уже не сопротивляясь, когда они коснулись кожи – сейчас она была в полной власти Лиса. Он мог делать с ней все, что захочет, она знала, что не сможет его остановить, и в этом было особенное, пугающее наслаждение. Оно гасило волю и туманило разум, но обостряло чувства до предела – и когда раздался звук, которого здесь быть не должно было – громкий звук, как будто

кто-то хлопнул в ладоши – их обоих подбросило словно пружиной, и они вскочили на ноги одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.